

ДЕЛО КЛАВДИИ

существовать не только на этой навязчивой лекции, но и вообще где-либо. На них тяжело было смотреть. Перед ними на небольшом расстоянии стоял длинный и громоздкий судейский стол, на поверхности которого местами пытались расти рвущая трава. Между зрителями-однозаводчанами проходили запутанные железнодорожные пути. Далее, за стол, простиралась гладкая и безграничная пустыня. Справа от стола, перед зрителями, мучилась в ожидании с поникшей головой подсудимая — Клавдия. Слева, из-за высокой стены, угрожающе, в зал свешивалась гигантская гипсовая голова знаменитого Аполлона. Ещё были видны его плечи и рука, сжимавшая гипсовое весло. Всё это пространство было залито ярким солнечным светом, но самого солнца не было.

Встать. Суд идет.

Но никто из присутствующих не встал.

Неожиданно, напротив Клавдии с диким визгом и стоном открылись металлические двери. Вместо ожидаемых судей, издевательски посвистывая, в зал стал медленно въезжать маневровый тепловоз. С грохотом и усилием он тащил две платформы. Первая была совершенно пустая, за исключением козла, который, гордо задрав к небу голову с необычайно большими и ветвистыми рогами, издавал издевательский тепловозный посвист. На второй платформе безобразным образом была навалена железная руда. От малейшего толчка она валилась на землю. Рядом шёл рабочий в форменном темно-синем комбинезоне с желтой надписью на спине — "Неиспользованные ресурсы" и быстренько закапывал каждый кусок руды по отдельности. И, наконец, за тепловозом, переступая через шпалы, рельсы и спотыкаясь, важно шли судьи — трое невзрачных, пожилых и самоуверенных мужчин в черных мантиях и белых перчатках. Они добрались до своего стола и, одновременно сняв перчатки и бросив небрежно на стол, молча сели на скамью. Тем временем тепловоз, минуя Клавдию, повернул у стены и вместе с униформистом стал удаляться вдоль нее к горизонту. Вскоре он превратился в точку, а затем и вовсе исчез в гиблой пустыне.

Тогда встал главный судья, с лицом прокурора и, читая по

бумаге, огласил следующее:

— Прежде всего, хочу поблагодарить собравшихся за их присутствие. Итак, подсудимая Клавдия..., кажется, Петровна, тридцати восьми лет... Так? Так. Работает исправно, экономистом в арматурном цехе, в хорошем коллективе и с отличным микроклиматом. Клавдия Петровна обвиняется в том, что украла...м... Извините. Обвиняется в том, что уходит от своего мужа — он же истец.

Встаньте муж. Повернитесь лицом к зрителям.

Продолжаю. Значит, вы, Клавдия, бросаете мужа и уходите к другому мужчине. Встаньте, мужчина, повернитесь лицом к зрителям.

По залу прошел вздох удивления, многократно повторяясь, как горное эхо. В конце кто-то даже зарыдал.

— К мужчине, — судья выдержал короткую паузу, — который абсолютно ничем не отличается от законного мужа! Взгляните, товарищи: нос, уши, подбородок, ну, что там еще есть, — судья не сводил пристального взгляда с Клавдии, — рост, прическа — все идентично. Кроме того, у них одинаковая обувь и галстуки. Зарплаты их равны, как и равны налоги. Занимают соперники одни и те же должности, правда, в различных организациях. Добавлю, что объективной экспертизой установлено полное тождество: вкусов, привычек, наклонностей и прочих физических способностей.

Тут судья удивился какой-то своей мысли, а, удивившись, вдруг закричал:

— Это поразительно, товарищи, но это — факт! Они похожи, как две капли воды, как сегодняшний день на вчерашний! Вот так.

Он глубоко вздохнул, задержал дыхание, выдохнул и умеренным голосом добавил:

— Поскольку, граждане, дело приватное, но касающееся всех нас, мы обойдемся без адвокатов, свидетелей и прочих пережитков.

Итак, вопрос первый, к подсудимой... Клавдии Петровне...

В зале прекратилась возня, смешки и чье-то рыдание. Насту-

пила тишина. Все приготовились услышать то, что уже слышали десятки, а может быть, и сотни раз на предыдущих и повторяющихся без конца лекциях по делу Клавдии.

Она проснулась. Зал исчез и потухло странное пространство в теле. Клавдия удивленно посмотрела на затылок и розовое детское ухо спящего на соседней подушке мужа. Он тихонько посапывал, отвернувшись к стене. Возможно, ему что-то снилось.

— Коля, Коля..., — тихонько позвала Клавдия. — Ты скрипишь зубами. От твоего скрипа... от него мне нехорошо. Ты...

Она не договорила и отвернулась.

— Коля, — пробормотала она, засыпая, — если ребенка не заводим, то в мае можем путевку в Болгарию взять...

— Итак, первый вопрос к подсудимой.

В этот момент зависшая, как вертолет, ворона нахально прокаркала:

— Попки всегда был дурак!

— Прошу извинения, товарищи, — сказал судья и достал из-под стола телефонную трубку, — I7-й, I7-й, я — "Боброво", в квартале 4-ре + 8, левее и выше головы Аполлона, сразите объект, явно работающий на гаитянскую разведку.

В трубке что-то вякнуло и прорычало. Судья поморщился, спрятал трубку и недвусмысленно заметил:

— Они там явно с ума посходили.

Ворона же, абсолютно не пользуясь крыльями, перелетела через зал и села на весло к Аполлону.

— Вы, гражданин судья, ведите дело. Не отвлекайтесь по мелочам, до утра здесь никто не собирается сидеть. Позже с генералом в подвале постреляете, — съязвила осторожная ворона.

— Но, действительно, продолжим, — предложил обиженно главный судья.

— Клава, почему же вы уклоняетесь от супружеской жизни с гражданином, что стоит слева от меня и склоняетесь к такой же жизни с гражданином, что стоит справа от меня? А?

Клавдия, стоящая до этого вопроса неподвижно, вздрогнула и посмотрела на всех присутствующих широко открытыми и наивными глазами. Казалось, что она не верит своим глазам, и что это — сон, дурной сон.

Но судья повторил свой вопрос слово в слово и буква в букву так, что любая иллюзия должна была рассеяться.

Клавдия проглотила горькую слюну и робко подошла к левому — бывшему мужу. Медленно, очень медленно, начиная с кончиков ботинок, она подняла свой взгляд, разглядывая каждую деталь его поверхности. Прощупав взглядом галстук и кадык, Клавдия открыто и смело взглянула ему в глаза. В полной тишине прошла минута, другая... Клавдия смотрела в глаза мужу. Никто ничего не понимал, включая однозаводчан, судей и ворону. Наконец, она улыбнулась и перешла к правому. Всё повторилось: от кончиков ботинок до всеобщего удивления и непонимания. Отойдя от правого, Клавдия повернулась на одной ноге и обратилась к судьям:

— Вы, бриллиантовые, спрашиваете, почему я уйду к нему, — она, не оборачиваясь, большим пальцем указала на правого. — Я не знаю. И это правда. Знаю только, что от левого уйду к правому. И потом, если у вас нет власти над вороной, то почему судите меня?

— Это не ответ взрослой женщины, — сердито возразил главный судья (при этом двое других интеллигентно заулыбались). — Подумайте и не стесняйтесь нас.

Через непродолжительную паузу он ласково прибавил:

— Мы здесь все свои, всё же, и давно сидим.

Зрители в зале на такое замечание судьи одобряюще покашливали и повозились в креслах.

— Ну-ну, Клава, — подгонял главный.

Подсудимая опустила голову, потопталась немного, повернулась к Аполлону с веслом и вороной, и, подняв голубые глаза к голубому небу, произнесла:

— А ведь когда-то и я была девочкой... Мне говорили: "То нельзя, это нельзя, так нельзя..." Взрослые знают, что такое хорошо, и что такое — плохо. Они сделали всё, чтобы я стала

нужной и полезной. Я думала, что когда взрослые умрут, останемся только мы — дети. И не понимала, что став взрослой, буду знать всё и жить, как они. Я, может быть, не от супруга уйду... Я не хочу больше никого и ничего ждать... а счастливой хочу быть.

— Но, Клава! — неожиданно громко воскликнул судья, — в чистом небе сверкнула и сухо треснула молния. — Вы себя запутали. Вы и мы здесь все правильно говорим. Но ведь, Клава, — он привстал, поднял палец вверх и медленно, расставляя ударения, сказал, — вы же от чего уходите, к тому же и приходите. Они одинаковые, и всё, что с ними связано — всё... один черт. Хрен, Клавдия, редьки не слаще.

— Я знаю.

— А раз знаете, то зачем вся эта канитель? — недоумеая, спросил судья и развел необычайно длинными руками. Самодовольным взглядом он обвел зал и присутствующих однозаводчан.

Тут очнулась будто бы спавшая ворона и во всё горло закаркала:

— Канитель, карр, канитель — весь день, весь день.

Клавдия надула щеки и прыснула. Из зала несколько зрителей зашикали на ворону, кто-то опять глухо и тоскливо зарыдал, остальные заржали. Судья потребовал тишины и настороженно позвал:

— Клава, Клавочка, — он хотел увидеть её глаза, а в них поддержку или стыд. Но не дождавшись внимания с её стороны, наклонился к своим коллегам и тихо сквозь зубы проговорил:

— Перестаньте ржать. Здесь вам не финская баня, маразматизмизматы.

В это время раздался мощный и протяжный вой тепловоза. В зал задним ходом возвратился маневровый. Его стальные колеса сильно ударились в стыках о рельсы. Он остановился, закрыв служебную часть зала и пустыню за ней и, как никудашный паровоз, спустил пар.

— Уф-ф, — разнеслось по залу вместе с клубами белого пара.

Зрители закашлялись и замахали руками. Кто-то достал ке-

фир, а кто-то развернул и стал читать газету. Сложилось впечатление, что наступил перерыв. Но сквозь монотонный и вредный для слуха шум дизеля с той стороны пробивалась, с чувством глубокого убеждения и веры во что-то, речь судьи. Когда же рассеялся пар, зрители лениво принялись рассматривать состав.

На первой платформе вместо прежнего козла стоял орган с золотыми трубами, уходящими в небо, и канцелярский стол на коротких ножках, заваленный бумагами. В них с головой копошились судьи — точные копии тех, что остались за тепловозом. Они торопливо с оттенком нервозности, мяли в руках или рвали на узкие полоски написанные листки пожелтевшей пыльной бумаги. На второй платформе безжизненной горой лежали отливки из цветного металла.

Когда за тепловозом замолк главный судья, его двойник, тоже главный, оторвался от пыльной работы, вытер руки о мантию в области живота, достал из-под стола мегафон и абсолютно пьяным голосом заявил:

— Не надо, товарищи, раньше времени скрипеть зубами. Сейчас мы начнем наше заседание. Вот только найдем затерявшийся доклад Клавдии..., кажется, Петровны, о находках бедуинов в пещерах на берегу Мертвого моря. Он, видите ли, в настоящее время проливает свет на истоки учения пророка Иисуса Назорея.

Судья на миг закрыл глаза и, возможно, представил себе чарующие боега Мертвого моря. Затем, не открывая глаз, закатал рукава мантии, сел за орган и взял какой-то совершенно сумасшедший и разлагающий аккорд. Орган зазвучал, сотрясая землю, стены и пустыню. Казалось, что в этом мощном звуковом бедламе сгинет весь мир, что это музыка — какого-то конца и катастрофы, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Уже чудилось и мерещилось, что из-под стола и органа вылезают: человекоящеры, человекоутки и беспозвоночные уткоющеры, желающие немедленно всё пожрать и поджечь.

Его коллеги, не обращая на него внимания, о чем-то молились и продолжали рвать пожелтевшие папирусы на узкие полоски.

Неожиданно орган умолк.

Изможденный органист, он же судья, спустил обессилевшие руки, с которых закапала розовая кровь и, оседая, пластами стал разрушаться, как подорванное на mine многоэтажное здание.

В зале воцарилось тягостное молчание и облегчение. От легкого ветерка по земле, как ядовитые змейки, ползли узкие полоски папирусов. Незаметно зал опустел. Зрители и двойники судей непонятным образом исчезли, обнажив пожилую, потрескавшуюся землю.

Из-за тепловоза появился униформист с желтой надписью на спине и с лопатой под мышкой. Он профессионально встал на одно колено рядом у платформы с отливками, взял лопату, как ружье, и прицелился в ворону:

— По космическому кораблю многоразового использования — пли!

Пуля, взвизгнув, попала в глаз гипсовому Аполлону. Ворона же, огорченно покачала головой, заглянула в образовавшуюся дырку и совсем убитым голосом прокаркала:

— Ты зачем Аполлончику око выбил? Мешал его глаз тебе, мусульманин? Иди теперь и покупай новый.

Но униформист и не думал никуда идти, ни в какие-такие магазины или универмаги и тратить там свои деньги. Он только сплюнул, огорченный промахом, крикнул машинисту "Трогай" и, бросив лопату, пошел по рельсам в пустыню.

Маневровый тревожно завыл и дал задний ход, увозя орган, останки главного и отливки из цветного металла. Когда он скрылся за железными дверями, раздался оглушительный грохот, не вызывающий сомнения в том, что тепловоз куда-то очень глубоко и безнадежно провалился. В зале (если теперь его можно было назвать залом) осталась только одна стена, из-за которой выглядывал одноглазый Аполлон с жирной вороной; остальные растаяли, обнаружив за собой все ту же гиблую пустыню.

Ветер стал усиливаться и выжигать песок. Нещадно палило солнце, которого нигде не было. Не было и теней: ни от Клавдии, ни от её мужчин, ни от оставшейся стены. Была лишь одна

тень, падавшая от судейского стола и уходившая клином куда-то за горизонт. В этой тени торчали редкие мертвые деревья, сухая трава и кое-где прогуливались голодные львы.

Прежние, настоящие судьи молча и обиженно сидели на своих местах. На столе разлеглась очень тощая и длинная белая кошка. Каждый из них поглаживал или почесывал приходящийся на него участок кошачьей спины. Наконец, главный замер и, не вытаскивая руки из белой кошачьей теплой шерсти, встал. Он, как император, взвешивая каждую интонацию своего голоса, задумчиво сказал:

— Клава, а может быть, ты хочешь сделать больно своему мужу своим уходом к чужому человеку? Обидеть его, а заодно и себя? Может быть, ты желаешь увидеть, — судья попытался что-то проглотить, а его голос все-таки чуть-чуть задрожал, — как он будет убиваться по тебе и скулить?

Судья проглотил что-то застрявшее в горле и уже грозно продолжил:

— Или ты хочешь, чтобы он выпорол тебя — по-флотски?

— Ну что вы ко мне пристали? — возмутилась Клавдия и, подмигнув вороне, вытерла пот со лба. — Все чего-то допытываетесь.

Клавдия оглядела пустые, мертвые деревья, львов в тени стола, чей-то караван вдалеке, посмотрела на засыпавшую от удовольствия белую кошку на столе и, застенчиво начертив ногой круг на песке, заговорила:

— Я — женщина. И не так много знаю и понимаю, как вы — мужчины. Я не смогу понять и никогда не пойму: почему ухожу от мужа к его двойнику. И уход ли это?.. Я работаю, я работаю, как все, и говорю, и думаю, как все... после работы иду домой... Ну да, мне жалко его, брошенного — это правда. Когда-то я появилась на свет, а теперь и сама могу родить красивую и добрую девочку или умного и трудного мальчика, продолжить любую жизнь...

Клавдия бросила чертить ногой круги и в который раз посмотрела на голубое небо без солнца.

- Я, гражданин судья, летать хочу. Летать и не во сне...

2 Клавочка, но куда же ты собралась лететь, грешненькая ты моя, - закричал сбитый с обычного толку судья и неожиданно выросший раза в три-четыре в высоту и ширину.

В это мгновение ворона соскочила с весла и приземлилась у ног Клавдии.

- Карр! Садись на меня, Клава, садись без стеснения, - ворона, как скаковая лошадь, нетерпеливо била ногой в песок. - Я знаю, куда лететь. Мы полетим на планету Брахмалоку, где живут учителя и великолепное знание Счастья. Летим, сейчас самое время, сейчас тепло.

Клавдия щелкнула пальцами и, крикнув: "Ой, тетеньки, гори всё синим огнем", задрала юбку и вскочила на черную ворону. Та странно заржала и, подпрыгнув в воздух и не пользуясь крыльями, по спирали стала набирать третью космическую скорость.

Они быстро удалялись. Левый и правый мужчины Клавдии вспыхнули, как факелы, ярко оранжевым пламенем и жидким стеклом начали оползать на землю.

Судья быстро выхватил из-за спины пистолет иностранной марки и, угрожая им, злобно прокричал:

- Клавдия, не дури - застрелю, - но, так и не выстрелил, плюнул в дуло пистолета и уже совершенно безразличным голосом заметил:

- Эти вороны - разносчики инфекции. Они опасны для проживающих в городских условиях. Занесите это, коллеги, ~~в~~ в протокол заседания нашего клуба.

Затем он как-то неожиданно превратился в престарелую деву с бриллиантовым колье на шее и, размахивая кулачками, истерически завопил в чистое небо:

- Я тебя, паразитка, как женщина женщину проклинаяююю...

Клавдия проснулась.

Рядом с ней на соседней подушке спал муж. Он тихонько поскрипывал зубами. Его розовое ухо торчало из-под одеяла и было похоже на чью-то пятку. Ему что-то снилось.

Клавдия откинула одеяло и встала. В ночной рубашке, немного

пошатываясь на затекших ногах, она вышла в коридор коммунальной квартиры. На кухне горел свет. За небольшим столиком сидел муж в бледно-желтой майке и физкультурных штанах и читал толстую книгу. Он увидел свою жену, обрадовался ей и громким шепотом сказал:

— Послушай, Клава, что я сейчас прочитал... вот здесь — "Человеческая форма жизни является проявлением любезности Верховного Сознания по отношению к людям. Она выработалась лишь в результате развития, через 8 400 000 видов и форм в цикле рождений и смерти".

— Ну, как?

— Что у тебя за дурацкая привычка читать по ночам? Иди спать, Коля... А то еще кого-нибудь напугаешь из соседей. Эх, суетливая душа твоя..., — устало выдохнула Клавдия и зашла в ванную.

Она открыла кран с горячей водой, расправила морщины у глаз и села на край старой ванны. Взяла в руки распущенные волосы и, уткнувшись в них лицом, заплакала тихо-тихо, чуть-чуть подвывая. Заплакала так, как заплакала бы любая другая женщина в этот предрассветный час.

г. РИГА

.....